

Звезда Рунета

**ПУСТЬ ЛЮБИТЬ
ТЕБЯ БУДЕТ
БОЛЬНО**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С 54

Соболева, Ульяна.

С 54 Пусть любит тебя будет больно / Ульяна Соболева. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Звезда Рунета).

ISBN 978-5-17-098904-1.

Я была счастлива настолько, насколько может быть счастлива женщина, но у каждого счастья есть свой срок годности, и моё изначально оказалось просроченным. Глупо верить, что человек может расстаться со своим прошлым и измениться. Люди не меняются, они надевают маску, подстраиваясь под обстоятельства и заставляя тебя верить, что это и есть их настоящее лицо. Пока вдруг неожиданно эта маска не раскалывается на части, и ты с ужасом понимаешь, что рядом с тобой всё это время находился совершенно чужой человек, а вся ваша совместная жизнь — сплошная ложь и бутафория.

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-098904-1.

© У. Соболева, текст
© ООО «Издательство АСТ»

1 ГЛАВА

Последний раз, когда я смотрела в окно автомобиля на такие до боли знакомые пейзажи, я даже не думала о том, что покидаю эти места навсегда. Меня пожирала совсем иная тоска. Я потеряла намного больше, чем возможность просто оставаться в родном городе и в родной стране. Гораздо страшнее не чувствовать эту горечь эмигранта, который покидает родину, потому что иная потеря затмевала все эмоции, делая их ничтожными. Какая разница, на каком краю света грызть подушку, выть по ночам? Особенно если особо и выбора не оставалось.

Сейчас, глядя в окно такси, я снова ловила себя на мысли, что думаю только о том, успею ли я на похороны и почему Руслан не отвечает мне на звонки. В который раз я набирала его номер и слушала монотонный голос на автоответчике. Еще нет паники, но есть то самое предчувствие, от которого сердце болезненно сжимается и уже не разжимается, а начинает саднить в груди. Я написала несколько сообщений Руслану и закурила, глядя, как проносятся перед глазами деревья, однотипные здания, так сильно отличающиеся от красочных строений Валенсии. Все-таки человек счастлив совсем не там, где его родина, а там, где он чувствует себя, как дома. Для меня дом был рядом с Русланом и детьми. Да, я наивно пред-

полагала, что могу быть уверенной в завтрашнем дне, как и в мужчине, который находился рядом со мной.

...Как трудно рассказывать кому-то о счастье. Вдруг ловишь себя на мысли, что и говорить особо нечего. Это о горе можно писать целые трактаты, а счастье оно настолько воздушно, невесомо и мимолетно, что о нем лучше молчать, чтобы не спугнуть. Да и зачем разговаривать, если оно настолько оплетает твой мир, что со стороны кажется — ты светишься невидимыми неоновыми вспышками эйфории. Когда просто хочется сжимать ЕГО руку, сплетая пальцы, и смотреть на мир безумными глазами, и беззвучно кричать: «Разве вы не видите, как мне хорошо, как я летаю? Это вам кажется, что я хожу, а на самом деле я лечу. Высоко-высоко».

Первое время боишься этот полет спугнуть, неправильно взмахнуть крыльями или вдруг понять, что просто спишь, и тебе все это снится, а потом привыкаешь парить и взлетаешь все уверенней и уверенней, выше и выше, забывая о набранной высоте и о том, что стихия неба над тобой непредсказуема.

Но как можно о чем-то думать, если спит солнце и небо кристально чистое?

Я открывала глаза по утрам и еще несколько минут лежала в тишине, вдыхая его запах, слушая бие-ние сердца или рассматривая каждую черточку лица, трогая скулы кончиками пальцев, пока он не открывал глаза и не опрокидывал меня на спину, жадно сминая мою кожу горячими ладонями, накрывая собой и врываясь в мой полет приземленно-прекрасной пошлостью неутомимой молодости. Меня шатало от усталости, я замазывала тональным кремом синяки под глазами и все равно видела в зеркале не-

прилично счастливую женщину, которую беспощадно имели всю ночь напролет и непременно отымеют в следующую и в ту, что последует за ней.

Иногда я засыпала чуть ли не стоя с Русей на руках или помешивая кашку у плиты, на диване у телевизора, за компьютером в процессе очередной работы над новыми проектами. Руслан открыл для меня компанию по дизайну интерьера, и теперь я целыми днями занималась только фирмой, искала новые кадры, запускала проекты, ездила на объекты. Мама нянчилась с нашими детьми, а сам Руслан вкладывал все силы в свой бизнес по перевозкам, который только начинал набирать обороты в Испании и в России. Он сдержал слово — ничего нелегального. С прошлым покончено. По крайней мере, с тем прошлым, от которого тянутся кровавые следы и тени от решеток на окнах.

Рядом с ним я забывала сколько мне лет, мне казалось, что я моложе, глупее и наивнее школьницы. Все стереотипы были разрушены, сломлены и бесполезным грузом отправлены в чулан к приметам и суевериям. Я забыла о своих страхах насчет нашей разницы в возрасте и о молодых девушках, которые окружали его на работе и плотоядно заглядывали в глаза в надежде заполучить в свою постель перспективного босса. Руслан заставлял меня верить, что для него я единственная и неповторимая. Женщина остается женщиной, пока она желанна. Она остается молодой и красивой, пока рядом есть тот, кто в любом возрасте скажет ей: «Я люблю тебя, маленькая». И не просто скажет, а докажет тысячи, сотни тысяч раз: взглядами, яростными толчками внутри её разгоряченного тела, хриплыми стонами

и голодным «я хочу тебя сейчас». Везде. В любую секунду. Требовательно и властно без малейшего шанса на сопротивление. Иногда посреди рабочего дня врываясь в дом, сбрасывая на ходу одежду и жадно глядя, как я кормлю Русю грудью, чтобы потом терзать набухшие соски голодным ртом и рычать от наслаждения, когда капли молока будут попадать ему на язык. Иногда присылать за мной машину, чтобы я приехала к нему немедленно, и, закрыв кабинет на ключ изнутри, остервенело трахать меня на рабочем столе, расшвыряв папки и ценные бумаги, или, пока в банкетном зале молодого владельца компании ждали партнеры по бизнесу, я, стоя на коленях, ласкала его член ртом. А иногда, зажав сотовый между ухом и плечом, я яростно растирала себя между ног дрожащими пальцами так, как он говорил мне вкрадчивым голосом в трубку, пока я не начинала кричать ему в ухо от беспощадного оргазма и не слышала в ответ его хриплый стон, представляя, как сильные мужские пальцы пачкаются спермой, когда он кончает, едва заслышав мои крики. На расстоянии тысяч километров от меня и все же со мной, и мысленно во мне.

Я начала забывать о его прошлом, о том, почему мы живем в Валенсии, и я так ни разу и не съездила на Родину, почему у него новые документы, и почему он целый год прятался вдали от меня и даже не мог сообщить, что он жив. Счастье не любит задавать вопросы, ему не нужны ответы. Оно живет здесь и сейчас, оно живет в завтра и послезавтра, но не в прошлом. Счастье не любит, чтобы его омрачали, оно слишком эгоистично и слепо. То, что когда-то с Сергеем казалось мне серой рутинной, рядом с Рус-

ланом играло какими-то мистическими красками счастья.

Я иногда задумывалась об этом и понимала, что дело не в быте и не в привычке, а дело в выборе. Жить нужно только с тем человеком, с которым хочется по утрам открывать глаза и улыбаться, когда первые мысли, которые приходят в голову, это о его запахе, о том, как забавно он натягивает носки, когда опаздывает в офис, и как трогательно целует спящую дочь перед уходом. Как смешно выглядит пена для бритья на его скулах и как обворожительно на мне смотрится его футболка.

Представлять, каким он будет через десять, двадцать лет, и понимать, что буду любить его любим. Даже лысым, толстым и старым. И меня не раздражает поднятая крышка унитаза, недоеденный сэндвич, футбольный матч и пустые бутылки из-под пива на журнальном столике.

Ты доедаешь этот самый сэндвич, запивая ЕГО чаем, на ходу засовывая пустые бутылки в мусорный пакет и проверяя в программе передач, когда будет очередной матч, чтобы сказать ему об этом, запасть любимыми острыми чипсами и выучить имена всех игроков сборной, за которую он болеет, а потом засовывать в стиральную машину его рубашки, футболки и сожалеть, что через пару часов они будут пахнуть порошком, а не запахом его тела. Вот из чего состоит счастье.

Кто-то скажет, что, возможно, с Сергеем нам многое не позволяли финансы, тогда как Рус обеспечил нам безбедное существование, но я тысячи раз думала о том, что, не будь у меня и копейки, я все равно чувствовала бы то же самое.

Этой ночью я проснулась в постели одна, потянулась и приподнялась, натягивая повыше одеяло и вглядываясь в силуэт Руслана за прозрачными гардинами. Курит на веранде. Бесшумно встала, натянула трусики, халат и босиком пошла к нему, нежно обняла Руслана сзади, запуская руки под его майку, наслаждаясь прикосновением к гладкой, горячей коже:

— Почему не спишь? Еще так рано.

Обхватил мои руки своими и крепко сжал.

— Отец звонил, просил, чтобы я приехал.

— Когда?

Тревожно забилося сердце, и я напряглась. Так бывало всегда, когда Руслан должен был уехать. Мне становилось страшно, что Царев-старший снова втянет его в какую-нибудь авантюру и что там, где нет меня, Руслану обязательно грозит опасность. Это глупое чувство, что, пока любимый человек рядом, ты можешь что-то контролировать и предотвратить, а стоит ему отдалиться, и ты уже ничего не контролируешь.

— Как можно быстрее. У него возникли проблемы с предвыборной кампанией.

Руслан вдруг резко развернулся вместе со мной так, что теперь я стояла у перил спиной к нему, а он сзади, опираясь на руки и преграждая все пути к отступлению.

— Что-то случилось? — осторожно спросила я, пытаюсь увернуться от его губ, которые оставили влажную дорожку на моем плече и переместились по шее к затылку.

— Да, — шепнул мне на ухо и провел кончиками пальцев по ключицам, — случилось. Ты вылезла из постели и надела на себя эти тряпки.

Его руки заскользили по моим бедрам, поднимая шелк халата до пояса, но я хотела, чтобы он ответил на мой вопрос, и поэтому сжала его запястья.

— Я серьезно. Ты ездил туда месяц назад и говорил, что теперь отец приедет к нам.

Руслан провел языком по моему затылку по кромке корней волос, пробираясь к мочке уха, и, закусив чувствительную кожу, пустил по моим венам заряд электричества.

— Говорил, — ответил хрипло, заставляя покрыться мурашками, когда его язык прошелся по моей шее снова, оставляя влажные следы. Стиснул ладонями ягодицы и прижался к ним пахом, давая почувствовать его возбуждение, — говорил, чтобы спала голая, — схватил за волосы на затылке, погружая в них пальцы, и заставил наклонить голову вперед, продолжая жадно ласкать губами мой затылок, — говорил, чтобы не надевала трусики, — разорвал тонкий шелк и в тот же момент прикусил затылок, заставив охнуть и схватиться за перила, — говорил, что не люблю, когда ты, вместо того, чтобы стонать, много разговариваешь, — раздвинул мне ноги коленом и проник в меня сразу тремя пальцами, вырывая из груди стон, — говорил?

Сильно сжал волосы и потянул на себя, накрывая второй рукой грудь, сжимая сосок сквозь тонкий шелк и заставляя снова застонать ему в губы.

— Говорил? Не слышу!

Погрузил пальцы глубже, выскальзывая наружу и дразня пульсирующий клитор, я начала забывать обо всем, отдаваясь ласке, пока она вдруг не прекратилась, и я жалобно не простонала:

— Говорил...

— Что говорил, сладкая? — сжимает пальцами бугорок плоти и тут же отпускает пальцы, заставляя тереться о них инстинктивно, другой рукой обхватывая за шею.

— Говорил, — насаживаясь на его руку и закатывая в изнеможении глаза, когда пальцы снова находят клитор, — только не останавливайся... пожалуйста.

Чуть позже, когда я лежала опрокинутая навзничь на постели, обессиленная, тяжело дыша и глядя ему в глаза, все еще наполненная им до краев, тихо спросила:

— Почему отец позвал тебя?

— Подписать какие-то бумаги на месте по передаче бизнеса. Это ненадолго. Пару дней максимум.

Но он всегда так говорил, а мог задержаться и на неделю.

Скатился с меня и привлек к себе на грудь.

— Не переживай, я обещал, что с прошлым покончено, значит, ты должна мне верить. Засыпай. До рассвета еще три часа, а Руся не даст тебе поспать.

И я верила. Мне безумно хотелось верить, как любой влюбленной, счастливой женщине, которая смотрит на мир сквозь призму розовых очков, и не важно, сколько ей лет. Любовь делает идиотами как малолеток, так и стариков, как политиков, так и преступников. Нет никаких законов или критериев. Словно болезнь. Без разбора. Скосить под корень все трезвые мысли и взгляды на реальность, обнажая только эмоции, делая беззащитными.

Я проводила его в аэропорт поздно вечером, долго целовала и ерошила его волосы, поправляла воротник куртки и снова целовала.

— Я позвоню тебе, как только доеду.

Я кивнула и наконец-то разжала пальцы. Где-то там фантомно заболели крылья, словно их слегка надрезали у основания.

Вечером этого же дня в новостях передали, что накануне ночью, в своем автомобиле найдены мертвыми известный бизнесмен Царев Александр Николаевич и его супруга.

Никаких подробностей не сообщалось. Меня трясло, как в лихорадке, целую ночь, я перерыла весь интернет в поисках дополнительной информации, но нашла лишь короткие заметки. Звонила Руслану, но его сотовый был постоянно закрыт. Дождавшись утра, я купила билет и первым же рейсом вылетела из Валенсии.

И сейчас я думала только о том, как там Руслан? Держится ли он после этого страшного известия? Что произошло на самом деле? Мне хотелось быть рядом с ним немедленно, убедиться, что все в порядке, поддержать его своим присутствием. Ведь я ни разу с тех пор, как уехала в Валенсию, не приезжала на родину. Несколько раз Руслан предлагал съездить, говорил о том, что все страсти давно улеглись, и нам с детьми ничего здесь не грозит, но мне всегда было страшно вернуться, словно заставить себя окунуться в то самое чувство безысходности и сомнений.

Мне было проще оставить прошлое Руслана за тысячи километров от нас, словно в какой-то уверенности, что именно расстояние гарантирует мне уверенность в том, что с этим покончено.

Я ошибалась. Где бы ты ни был, страхи неизменно следуют за тобой. Пусть они блекнут, и ничего о них не напоминает, но это не значит, что их больше нет.

Они, как маленькие, кровожадные демоны, дремлют в глубине сознания, истощенные и голодные, ожидая той самой проклятой пищи, от которой начнут увеличиваться в размерах.

Потому что каждый раз, когда Руслану звонили с зарубежных номеров, внутри что-то замирало, и демоны открывали глаза.

Я снова нажала кнопку вызова и снова услышала голос с автоответчика. Растерянно посмотрела на дисплей, словно в который раз убеждаясь, что номер набираю верно. Никогда раньше не бывало такого, чтобы Руслан не отвечал и не перезванивал. Меня почему-то всегда пугало чье-то исчезновение больше, чем самое страшное известие. Вот эта глухая тишина по всем фронтам, когда мечешься от бессилия и прокручиваешь в голове самое ужасное.

Внезапно таксист повернулся ко мне и спросил:

— Вы уверены, что не ошиблись адресом?

Я посмотрела на мужчину через зеркало заднего обзора:

— Абсолютно уверена. Это верный адрес. Сколько нам еще ехать?

Таксист пожал плечами:

— По идее, мы давно приехали, но, как видите, здесь пустырь и заброшенная стройка. Я сделал несколько кругов по району, но мне кажется, что-то не так с тем адресом, что вы мне дали.

Я посмотрела в окно. Действительно, пустырь. Ни одного жилого дома. Вдалеке виднеется новостройка. Перепроверила адрес — все верно. Руслан давал мне его еще, когда ездил сюда первый раз. Сказал, что купил квартиру в новом районе и что, если я когда-нибудь решусь приехать в родной город, нам

будет где остановиться. Присылал также фото той квартиры.

— Это верный адрес. Может быть, вы плохо знаете это место. Район - то новый.

— Я хорошо знаю город, кроме того, я еду по навигатору. Улицы, которую вы мне назвали, не существует, но я нашел сам район и кручусь здесь уже несколько минут.

Я набрала Руслана в очередной раз и в отчаянии отключилась, как только снова услышала автоответчик.

Возможно, я и правда что-то неверно записала, да и Руслан, скорее всего, сейчас в доме отца.

— Тогда отвезите меня по другому адресу, пожалуйста.

Таксист кивнул, а я опять почувствовала, как сжалось сердце.

2 ГЛАВА

Услышав новый адрес, таксист как-то сразу подбравшись, выпрямился за рулем и поправил воротник рубашки. Я увидела, как он затушил сигарету в пепельнице и сделал тише радио. Невольное дежавю словно отшвырнуло назад, в тот самый день, когда я впервые приехала к Цареву-старшему, и моя жизнь вывернулась наизнанку. Реакция у того таксиста была очень похожа, словно я назвала адрес в резиденцию дьявола. Впрочем, Царев-старший для многих был похлеще этого самого дьявола. Я мало задумывалась об этом раньше, но ведь и меня он пугал, когда я только познакомилась с ним.

— Вы журналистка? — таксист откашлялся и вцепился в руль, вглядываясь вперед. В морось октябрьского дождя, который монотонно бил в стекло мелкими каплями, зачеркивая лето штрих-кодом приближающихся холодов. В воздухе насыщенно пахло осенью, мокрыми опавшими листьями и свежестью, смешанной с запахом костров и сырости. Я невольно поймала себя на мысли, что вдыхаю этот запах полной грудью. Я соскучилась по нему. Есть иногда крохотные мелочи, которые вызывают бурю эмоций и воспоминаний. И если еще полчаса назад я думала о том, что мой дом там, где Руслан и дети, то сейчас я отчетливо поняла, что на самом деле только дом пахнет именно так, что у тебя сводит скулы, и перед глазами проно-

сятся образы из детства, а в груди щемит тоскливое чувство странного удовлетворения и понимания, как сильно мне всего этого не хватало.

— Нет, я разве похожа на журналистку?

— А черт их знает, на кого они похожи. Мы там спокойно не проедем, все дороги перекрыты из-за этого убийства олигарха. У крутиков свои развлечения. Воюют между собой, отстреливают мозги друг другу, а нам, обычным людям, страдай. Я сегодня утром вообще не мог проехать по тому району.словно не бизнесмена пристрелили, а самого президента. Бандюки и есть бандюки. Возомнили себя царями.

Прозвучало настолько двусмысленно, что мне стало не по себе. Я судорожно сглотнула.

— А его застрелили? В новостях этого не передавали.

— Кто ж вам такое в новостях передаст? Но такие своей смертью не умирают, притом вместе с супругами. Заказное, видать. Ничего никто не найдет, как всегда. Суета для вида. Потом сами найдут и сами линчуют, а менты им задницы прикроют. Эх. Все продажные. Куда мир катится?

В такие моменты мне хотелось ответить небезызвестной цитатой, автора которой я, к сожалению, не помню, что мир катят те, кому на это хватает ума и сил, а остальные бегут следом и спрашивают, куда же он катится, вместо того чтобы потеть и толкать с остальными. Как быстро мы меняемся под давлением обстоятельств. Где-то полтора года назад я бы с ним согласилась, а сейчас это слишком касалось меня самой, чтобы не почувствовать раздражение за эту тираду, которая была более чем справедли-